

УДК 351 (091)

Участие иркутского генерал-губернаторства в решении «урянской проблемы» (вторая половина XIX – начало XX вв.)¹

Виктория А. Василенко

Центр изучения Монголии, Байкальский государственный университет, кандидат исторических наук, Иркутск, Россия, vasil-vic79@yandex.ru.

ORCID: 0000-0000-7273-8026

Аннотация. В этом году исполняется 200 лет со дня создания генерал-губернаторства Восточной Сибири. В императорской России власть генерал-губернаторов получила развитие, преимущественно, на окраинах, а также в местностях, управляемых на особом положении. К числу таких территорий относится Усинский пограничный округ, а с 1914 г. – Танну-Урянхайский край.

В настоящей статье проведен анализ политики, проводимой иркутским генерал-губернаторством со второй половины XIX в. по 1914 г. – времени решения «урянской проблемы» до установления российского протектората.

Ключевые слова: Тува, «урянская проблема», генерал-губернатор, Иркутск

Для цитирования: Василенко В. А. «Участие иркутского генерал-губернаторства в решении «урянской проблемы» (вторая половина XIX – начало XX вв.)» // Азиатские исследования: история и современность. 2022. №1. С. 30-45. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-1-30-45

Participation of the Irkutsk Governor-General in the Solution of the “Uriankhai Question” (the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)

Victoria A. Vasilenko

Center of Mongolia Study, Baikal State University, Cand. of Sci. (History), Irkutsk, Russia, vasil-vic79@yandex.ru.

Abstract. This year marks the 200th anniversary of the establishment of the General Government of Eastern Siberia. In Imperial Russia, the power of governors-general was developed mainly in the outskirts, as well as in the areas governed by a special position. These territories include the Usinsk border district, and since 1914, the Tannu-Uriankhai region.

This article analyzes the policy pursued by the Irkutsk Governor-General from the second half of the 19th century to 1914 – the time of the solution of the “Uriankhai question” before the establishment of the Russian protectorate.

Keywords: Tuva, “Uriankhai question”, Governor-General, Irkutsk

For citation: Vasilenko, V. A. (2022) “Participation of the Irkutsk Governor-General in the solution of the ‘Uriankhai question’ (the second half of the 19th – early 20th centuries)” // Asian Studies: History and Modernity, no. 1, p. 30-45. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-1-30-45

¹ Печатается в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований 20-59-4408 «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

Современная историография истории Сибирского генерал-губернаторства представлена работами А. В. Ремнева, В. П. Шахерова, Л. М. Дамешек Л. М. Дамешек. А.Н. Гаращенко и ряда других авторов. Аспекты региональной и окраинной политики в Сибири освещены в работах О. В. Грицай, Н.П. Ермолинского, Н.Е. Единарховой. В ряде работ дается описание биографий глав Восточной Сибири. Исследователи отмечают, что подавляющее большинство из них имели немалый опыт военно-политической, административно-хозяйственной и даже дипломатической деятельности [Ватин, 1915, с. 11].

Становление и развитие института власти генерал-губернатора в Восточной Сибири, как и во всей императорской России, проходило в несколько этапов. В 1803 г. было генерал-губернаторство с центром в Иркутске, единое для всей Сибири. В 1822 г. происходит его разделение на два – Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское, и в 1887 г. последнее было переименовано в Иркутское, которое просуществовало в составе 5 округов: Иркутского, Балаганского, Нижнеудинского, Верхоленинского, Киренского. Генерал-губернатор являлся представителем самого императора в пределах конкретной территории, проводником имперской политики и идеологии [Дамешек, 2011]. В инструкции генерал-губернаторам конца XIX в. четко указывалось, что «они есть, прежде всего, главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном им крае» [Дамешек, 2013, с. 51].

Традиция активного участия глав сибирских губерний во внешней политике России с сопредельными странами была заложена И. В. Якоби (дедом будущего декабриста И. А. Анненкова), который с учреждением в 1783 г. Иркутского и Колыванского наместничеств был назначен Иркутским и Колыванским генерал-губернатором в 1783 г. Он занимался сложными пограничными отношениями с Китаем, в результате которых были возобновлены торговые сношения, завязалась оживленная торговля в Кяхте.

«Урянхайский вопрос» становится неотложной частью политики Иркутского генерал-губернаторства со второй половины XIX в., времени активного освоения Урянхайского края русским торгово-промышленным элементом явочным порядком. В процесс решения проблем, возникающих на местах, включаются чиновники Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. На тот момент в его состав входили Иркутская и Енисейская губернии, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления.

Фото 1. Резиденция генерал-губернатора Восточной Сибири (1837-1917).
Современный вид. Фото взято из открытых источников

Фото 2. Канцелярия Иркутского генерал-губернатора.
Современный вид. Фото взято из открытых источников

В 1851 г. по инициативе генерал-губернатора Н. Н. Муравьева², в Иркутске был учрежден Сибирский отдел Русского императорского географического общества, в 1872 г. переименованный в Восточно-Сибирский (ВСОИРГО) [Дары-Сурун]. С созданием Отдела научные

2 Николай Николаевич был возведен в графское достоинство с присоединением к фамилии почетного имени «Амурский» в 1858 г., после подписания Айгуньского договора. Описание его дипломатической и военно-политической деятельности не входит в задачу настоящей статьи.

экспедиции в Туву приобретают систематический характер, становятся известными работы по географии, этнографии и этнологии края В. В. Радлова, Г. Н. Потанина, А.В. Адрианова, П.Е. Островских Д. А. Клеменца, Е.К. Яковлева, и других исследователей.

Фото 3. Анучин Дмитрий Гаврилович
(1833-1900)
Генерал-губернатор Восточной Сибири
1879-1884

Первыми официальными документами, которые освещали положение русских в Урянхайском крае со стороны главы власти в Восточной Сибири, стали всеподданнейшие отчеты генерал-губернатора Д. Г. Анучина. Д. Г. Анучин получил известность как военный писатель и публицист. Его работы публиковались как в специальных изданиях, так и в периодической печати – в журналах «Современник», «Голос». При его участии и под его редакцией в Иркутске в 1884–1885 гг. было издано 8 томов «Сборника главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибири», посвященных переселенческому делу

и освоению Приамурского края [Дамешек, 2013, с. 51].

По инициативе Д. Г. Анучина был поднят вопрос об образовании Усинского пограничного округа перед центральным правительством, о чем в конце 1885 г. последовало Высочайшее повеление, уже после отставки генерал-губернатора.

Усинский пограничный начальник фактически разделял с тувинскими чиновниками функции по управлению Урянхайским краем, в его введении оказалось все русско-подданное население региона. Он же исполнял обязанности окружного исправника, заведовал горными промыслами, осуществлял надзор «за сохранением общественного порядка и безопасности на приисках, наблюдение за ходом торговли в Урянхайской земле и ведение пограничных сношений, на основании особой инструкции, утверждаемой Министерством внутренних Дел, по соглашению с Министром иностранных дел, и в надлежащих случаях, с министерством финансов»³.

Фактически, наделение пограничного начальника правом вступать

3 Государственный архив Иркутской области (далее - ГАИО), ф. 25, д. 26, л. 116.

в дипломатические переговоры с гражданами другого государства уравнивало его в полномочиях с пограничным комиссаром, однако по понятным политическим соображениям он так не назывался. По существу, учреждение Усинского пограничного управления стало важным шагом к развитию институализации русской власти в Туве.

Важным вопросом, имеющим большое значение в дальнейшем хозяйственном и промышленном освоении края русскими поселенцами, было развитие золотопромышленности. В начале 1882 года в Гатчине Д. Г. Анучин лично представил Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880-1881 гг. В отчете генерал-губернатор дал описание «нужд нашей золотопромышленности и торговли в верховьях Енисея». Признавая наличие интересов русских промысловиков по реке Систиг-Хем и ее притоков, которые находили на территории Китая, генерал-губернатор указывал на желательность «принятия мер к охранению личности и имущества нашего там населения и вообще к оказанию покровительства нашим купцам и промысловым людям». По его мнению, «лучшим разрешением настоящего вопроса было бы предоставление существующего порядка вещей его историческому течению, то есть не ограничение полной свободы нашему промышленному движению к берегам Верхнего Енисея, а быть может и далее – хребту Танну-Ола» [Кузьмин 2014, с. 227].

По всей видимости, данные размышления иркутского генерал-губернатора не вызвали возражений вышестоящей власти, и вскоре после подачи Всеподданнейшего отчета в Иркутске была созвана комиссия с целью разрешения вопросов «о направлении пограничной линии с Китаем в договоре 1727 г. и приложении к нему, и значительного развития золотопромышленности в южной и юго-восточной частях Минусинского округа Енисейской губернии» [Ватин 1915, с. 87]. Комиссия не нашла «оснований воспрещать поиски золота в верховьях (Ут и Систиг-Хем) и останавливать развитие столь важной отрасли государственного хозяйства, какова золотопромышленность, на том только основании, что граничная черта не будучи точно обозначена в 1727 г., не определена никакими видимыми знаками между знаками на всем ее протяжении». Таким образом, комиссия сделала самостоятельный, не зависящий от центральных правительственных органов вывод о правомерности разработки золотых приисков в Урянхайском крае. Генерал-губернатор утвердил это постановление, отметив при этом в дальнейшем, что граница оставляет «верховья р. Енисея в несомненно в китайском владении со всеми впадающими в него... реками» [Ватин 1915, с. 87].

По свидетельству Б. М. Порватова, на практике решение комиссии

1882 г. сводилось к тому, что золотопромышленники часто только записывали за собой найденные и золотоносные участки, и в редком случае приступали к их эксплуатации [Порватов 1915, с. 8]. Это было обусловлено существующими протестами со стороны местной власти и наложенными запретами на эксплуатацию месторождений. Ситуация изменилась после заключения в Урге 21 октября 1912 г. русско-монгольского соглашения, когда с Ургинским правительством Хутухты официально стали заключаться договоры на эксплуатацию горных богатств Урянхия и Монголии. В конце же XIX в. решение означенного вопроса не было формально определено, а представители региональной власти нуждались в четких указаниях со стороны вышестоящего руководства, которых часто не было. Так, в 1889 г. генерал-губернатор А.Д. Горемыкин просил министра внутренних дел дать по «урянхайскому вопросу» определенные указания, однако их не последовало⁴.

Позиция центральных властей изменилась с развитием политического кризиса в Цинской империи в начале XX в. Россия начинает освоение Маньчжурии, укрепляет свои позиции на Дальнем Востоке, обращая внимание на Застенный Китай, в том числе Монголию и Урянхайский край.

Отдаленность Урянхия от своей метрополии, слабость экономических связей с Китаем, с одной стороны, географическая близость, развитие русской торговли и золотопромышленности, а также развитие колонизации – с другой, были выгодны российскому правительству. Министр внутренних дел Д. С. Сипягин в письме иркутскому генерал-губернатору А. Д. Горемыкину от 30 января 1900 г. за № 325 высказал мнение, что в «сношениях с Азиатскими государствами не вполне применимы общие начала международного права», и разрешил при этом проживание русских поселенцев в Урянхайском крае «при условии приобретения ими у Усинского начальника пограничных билетов»⁵.

В 1900 г. генерал-губернатор, следуя инструкциям Министерства внутренних дел, не должен был препятствовать развитию русской колонизации Тувы.

Таким образом, в результате смены курса внешнеполитической деятельности, а также роста интересов России в Северной Монголии и на Дальнем Востоке, происходит смена характера политики, проводимой российским руководством в Туве. Тем не менее, положение русских в крае по-прежнему оставалось шатким. Об этом сообщает Управляющий канцелярией Иркутского генерал-губернатора в Департамент общих

4 ГАИО, ф. 25, д. 26, л.106 об.

5 ГАИО, ф. 25, оп. 11, д. 14, л. 106.

дел Министерства внутренних дел: «Положение русских поселков..., основанных в местностях, находящихся относительно границ «под сомнением», прочным можно считать до тех пор, пока велико будет влияние внешней политики Российского государства на Китай, поэтому следует пожелать скорейшего вырешения вопроса о границах, ... тогда устранятся сами собой всякие сомнения и недоразумения, возникающие на почве неопределенности той и другой стороны»⁶. В это время необходимость учреждения должности пограничного комиссара становится наиболее очевидной.

Впервые с инициативой по этому вопросу выступил иркутский генерал-губернатор Н. Н. Сухотин. Учреждение должности пограничного комиссара он связывал с возможностью решить существующие противоречия по «урянхайскому вопросу»: «Опыт прошлого показал, как часто распоряжения местной администрации по вопросам пограничного характера и общей политики шли в разрез со взглядами МИДа. Поэтому необходимо, чтобы чиновник по дипломатической части, находясь в постоянных сношениях с министерством иностранных дел, мог получить от него немедленные инструкции... и был подчинен означенному министерству»⁷. Предложение генерал-губернатора об учреждении должности чиновника по дипломатической части было отвергнуто министерством иностранных дел, указывая на нецелесообразность обострения отношений с Китаем ввиду, отсутствия выраженных экономических интересов в крае⁸.

Последующая колонизация и экономическое освоение края обусловили потребность в изучении его экономико-географических особенностей, ландшафтных и гидроресурсов. В конце 1906 г. в Иркутске состоялось Собрание о путях сообщения Сибири, на котором было принято решение ходатайствовать об исследовании Верхнего течения Енисея (Улуг-Хем и Бий-Хем) в Танну-Урянхайской земле, с перспективой развития там пароходства. В этом же году начались изыскания пути для проведения колесной дороги. С целью исследования верховьев Енисея, в 1907 г. была организована командировка инженера путей сообщения В. Родевича в Туву. Результаты экспедиции В. Родевича, как известно, стали одной из причин последующей активизации политики российских властей в «урянхайском вопросе». Нежелание российских властей обострять отношения с китайскими властями явилось главной причиной формальной неопределенности в действиях,

6 ГАИО, ф. 25, д. 3, л. 103.

7 ГАИО, ф. 25, оп. 11, д. 24, л. 3.

8 Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 4001, оп. 10, д. 3687, л. 1].

которые должны были изменить решение означенного вопроса в пользу Российской империи. Однако конфликт с нойоном Хемчикского хошуна Хайдыпом, разгоревшийся из-за попытки группы российских и иностранных промышленников начать разработку асбестовых месторождений на Ак-Довураке сыграл важную роль: о конфликте было заявлено дипломатической миссией в Пекине Цинскому правительству. Поскольку на заявление ответной реакции сразу не последовало, на уровне Министерства иностранных дел, Министерства военных дел было принято решение о переходе к более решительным действиям. Важную роль в этом вопросе играли доклады чрезвычайного посланника в Пекине, глав консульств в Улясутае и Урге, а также главы иркутского генерал-губернаторства. Так, А. Н. Селиванов во Всеподданнейшем отчете за 1908-1909 гг. отмечал, что после решения инцидента с Хайдыпом «острота пограничного вопроса» в Усинском крае нисколько не уменьшается, и потому вопрос о точном определении нашей границы с Китаем необходимо признать неотложным» [Василенко 2014, с. 224].

На политической арене в период перехода российских властей к активной политике в решении «урянхайского вопроса» 1910-1914 гг. важную роль играл Л. М. Князев, который приступил к исполнению своих обязанностей, имея опыт управления Тобольской, Вологодской, Костромской и Курляндской губерний. По свидетельству адвоката М. А. Кроля, вновь прибывший генерал-губернатор был с надеждой встречен местным населением, которую в будущем и оправдал. В отличие от Селиванова, снискавшего негативную репутацию из-за жестокой расправы над сторонниками революции 1905 г., Л. М. Князев в регионе проводил разумную и взвешенную политику. По словам М. А. Кроля, «его простота, обходительность и доступность производили на местное население очень сильное впечатление, составляя резкий контраст с суровостью и грубостью ушедшего Селиванова. Оживилась работа в Восточно-Сибирском отделе Географического общества... снят был намордник с местной повременной печати» [Кроль 2008, с. 51].

В фондах центральных государственных архивов большая часть переписки Иркутского генерал-губернаторства с центральными ведомствами, министерствами, Усинским пограничным управлением представлена в авторстве Л. М. Князева. Обладая солидным опытом управления «сибирскими окраинами», он проявил живой интерес к «урянхайской проблеме» и вскоре стал одним из активных сторонников идеи включения Урянхайского края в состав Российской империи.

К сожалению, в настоящий момент не удалось выявить документы, в которых представлена переписка Иркутского генерал-губернатора с

главой Енисейской губернии. По всей видимости, на первоначальную позицию Л. М. Князева относительно решения «урянхайского вопроса» повлияли подробные отчеты, записки Усинского пограничного начальника А. Х. Чакирова, с которыми генерал-губернатор ознакомился лично. Множество других задач, стоящих перед ним, трудности дорожного сообщения с краем не давали возможности совершать поездки туда систематично, поэтому очевидно, что все представления о политической ситуации в крае могли складываться на основании отчетов других должностных лиц и подчиненных.

Представление генерал-губернатора о политической ситуации в крае было основано, преимущественно, на отчетах, рапортах, докладах Енисейского губернатора, усинского пограничного начальника. В своих письмах председателю Совета министров П. А. Столыпину Л. М. Князев советовал «принять более решительные меры». В противном случае, утверждал генерал-губернатор, китайское правительство может ввести в край войска, что «будет равносильным предрешением вопроса не в нашу пользу».

В переписке с председателем Совета министров, П. А. Столыпиным, министром иностранных дел, С. Д. Сазоновым, иркутский генерал-губернатор в решении «урянхайского вопроса» указывал на пункты первостепенной важности: ...пересмотр намеченных задач в Урянхайском крае, увеличение штатов Усинского пограничного управления, командировку в Урянхайский край пограничного начальника для переговоров с Урянхайскими властями и производства землеустроительных работ.

По вопросу ввода в Урянхайский край вооруженных войск Л. К. Князев был солидарен с главой дипломатической миссии в Пекине И. Я. Коростовцом, указывая на «необходимость скорейшего командирования в... с. Усинское военной силы»⁹.

Для решения ряда вопросов, связанных с укреплением русской власти в Урянхайском крае, реорганизации органов управления и пограничных властей в крае 28 февраля 1911г. было собрано совещание под председательством иркутского генерал-губернатора Л. М. Князева. Его содержание было подробно описано Самдан А.А. и в ряде других работ, поэтому будет целесообразным сказать об его итогах [Дацьшен, Ондар 2003; Кузьмин 2014; Моллеров 2014; Самдан 2014].

Совещание пришло к выводу, что будет целесообразным продолжать политику по укреплению и упрочению российской власти, поддерживая переселение русских в край, организуя функции государственного

9 ГАИО, ф. 25, д. 17, л. 20.

устройства: управление (волостное и сельское), полицию, суд, врачебную помощь и проч. Закрепляя право давности и фактического владения России краем, предлагалось расширять торговлю и промышленность. К числу военных мероприятий, направленных на скорейшее присоединение Урянхайского края к России, Совецание относило следующие: перевод взвода из Минусинска в с. Усинское, формирование ополченческой дружины из числа запасных чинов и ратников, проживающих на территории Усинской волости и Урянхайского края; организацию военной разведки в крае, выдача пограничному начальнику необходимого числа винтовок, выставление караулов напротив монгольских и проч.¹⁰

Содержание протокола Совецания получило одобрение П. А. Столыпина. В последующем письме председателю Совета министров Л. М. Князев описал первоочередные задачи по решению «урянхайского вопроса» в пользу России: это увеличение штатов Усинского пограничного управления, командировка в Урянхайский край пограничного начальника для переговоров с Урянхайскими властями, производство землеустроительных работ¹¹.

В рамках мероприятий, на необходимость проведения которых указывал также Л. М. Князев, была организована экспедиция в Туву во главе с инженером К. И. Иваницким. По результатам этой экспедиции была составлена записка, где были оценены ресурсы Танну-Урянхая и их значение для России. В записке отмечалось, что «невьясненность пограничного вопроса отражается, прежде всего, на положении русской торговли и промышленности». Члены экспедиции, оценив экономическую значимость края для России, подтвердили необходимость скорейшего решения вопроса о «спорной территории»¹².

Начало Синьхайской революции Л. М. Князев считал хорошим предлогом для установления в Танну-Урянхае общего административного надзора под руководством Иркутского генерал-губернаторства, без вмешательства во внутреннее управление. По мнению Князева, эти меры, преданные в дальнейшем широкой огласке, предупредят обвинения со стороны китайского правительства и других государств в самовольном захвате Урянхая. Однако указанные предложения не нашли поддержки со стороны вышестоящего руководства. Часть предложений иркутского генерал-губернатора С. Д. Сазонов считал «малопрактичными», однако некоторые из них считал целесообразными, к примеру, утверждение о том, что заселение края нужно вести не искусственным привлечением

10 ГАИО, ф. 25, оп. 11, д. 14, л. 40.

11 ГАИО, ф. 25, оп. 11, д. 14, л. 40.

12 ГАИО, ф. 25, оп. 11, д. 14, л. 103.

случайных переселенцев, а путем постепенного там оседания материально мощных, рассчитывающих на свои силы русских людей¹³.

Таким образом, можно говорить о расхождении в позициях на «урянхайский вопрос» иркутского генерал-губернатора и органов центрального управления. Этот факт подтверждают результаты Особого Совещания Совета Министров, посвященного «урянхайскому вопросу» 08 ноября 1911 г. На нем было принято решение воздерживаться от активных выступлений в отношении региона, так как они могли бы быть сочтены за меры к захвату Урянхайского края. Наиболее целесообразным способом закрепления Тувы за Россией министры признали земельную колонизацию. Совет Министров полагал, что заселение края русскими не должно носить «характер исключительного привлечения правительством переселенцев в Урянхай», поскольку это могло возбудить подозрения со стороны китайских властей. Помощь правительства, по мнению Совета, должна выражаться в «обеспечении культурной обстановки, облегчающей им тяжелую жизнь пионеров в отдаленной окраине»¹⁴.

Позиция Совета министров оставалась неизменной даже после того, как Николай II дал указание ускорить присоединение края к России, по причине наличия определенных сложностей в действиях дипломатии по «монгольскому вопросу».

После объявления независимости Монголии в 1912 г. иркутский генерал-губернатор, следуя указаниям свыше, придерживался осторожной тактики в отношении «урянхайского вопроса». Так, русские власти не стали вмешиваться в тувинско-китайский конфликт, но оказали содействие китайским купцам в деле их эвакуации. В феврале 1912 г. Л. М. Князев дал разрешение на выдачу китайцам удостоверений для проезда через русскую территорию [Белов 1999, с. 170].

В январе 1912 г. амбын-нойон созвал съезд тувинских чиновников для обсуждения вопроса о присоединении края либо к России, либо к Монголии. На съезде было принято решение объявить Танну-Урянхай независимым, но находящимся под покровительством России. Через усинского пограничного начальника на имя Николая II было отправлено прошение о покровительстве и защите. Помимо этого, тувинцы, во избежание преследований со стороны китайцев, просили «по возможности скорее занять своими войсками по своему усмотрению заселенные пункты среди урянхов, а для охраны выставить... пикеты

13 Российский государственный исторический архив (далее- РГИА), ф. 391, оп. 10, д.2, л.103 об.

14 РГИА, ф. 391, оп. 10, д.2 , л.153.

по границе¹⁵. Однако в это время российское правительство вело переговоры с Китаем по монгольскому вопросу, и вновь не сочло нужным устанавливать с Тувой официальных отношений. В инструкции пограничному начальнику генерал-губернатор объяснял, что отправка тувинской делегации, в связи с осложнением ситуации на Дальнем Востоке, нецелесообразна, так как «все возбужденные вопросы будут решены вне зависимости от отношения к ним урянхов». Следуя указаниям иркутского генерал-губернатора, пограничный начальник не пропустил направляющуюся в Петербург тувинскую делегацию дальше с. Усинского¹⁶.

Несмотря на существующие ограничения, планы по дальнейшему освоению Танну-Урянхай сохраняли свою актуальность. Так, в Иркутске в декабре 1912 и январе 1913 у Князева состоялись совещания о производстве горных богатств в Монголии, на которых участники обратили внимание на разницу в производстве геологических изысканий в Танну-Урянхае и во внешней Монголии. Так, в Монголию, «ввиду ее громадного протяжения, надлежит отправить лишь рекогносцировочные геологические партии, в Урянхайском же крае производство геологических изысканий должно быть связано с составлением точной топографической карты»¹⁷. Значимым событием в политике России в Туве конца 1912-1913 гг. стало учреждение должности пограничного комиссара. Инструкция пограничному комиссару была Высочайше утверждена в конце июня 1914 г. Согласно ей, на комиссара возлагалась судебная функция, функция таможенного контроля, а также обязанность горного исправника. По его требованию воинские части должны были оказывать ему содействие, на Основании Правил о содействии гражданским властям. Кроме того, в отличие от пограничного начальника, комиссар наделялся консульскими полномочиями¹⁸.

О личности первого пограничного комиссара А. Церерина писали довольно много, чиновник особых поручений действительно пользовался расположением и доверием Л. М. Князева. Обращает на себя внимание тот факт, что Князев с завидным упорством защищал действия Церерина. Конфликт пограничного начальника с чиновником переселенческого управления В. Габаевым, описанный неоднократно в ряде работ, не послужил причиной отстранения от должности А. Церерина. «Предоставленный самому себе без возможности за дальностью расстояния получить до моего приезда в Урянхай какие-либо

15 ГАИО, ф. 25, оп. 11, д. 17, л. 5.

16 ГАИО, ф. 25, оп. 11, д. 17, л. 9.

17 РГИА, ф. 391, оп. 10, д. 2, л. 6.

18 РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 403, л. 18.

руководящие указания, не сумевший создать отношений с Мировым судьей и г. Габаевым, не встречая никакой поддержки в лице Усинского Пограничного начальника А. Х. Чакирова, видевшего в Церерине своего конкурента на должность Пограничного комиссара, которую он стремился получить, и потому все время ведшего против него интригу, – кол. асс. Церерин потерял должное самообладание и под влиянием крайне нервного состояния не мог действительно найти делового выхода из создавшегося положения...» [Василенко 2014, с.189].

Ситуацию, сложившуюся в первые годы существования пограничного комиссариата в Туве, описал А. Х. Чакиров в письме к В. Родевичу: "Безусловно, генерал-губернатор Князев – симпатичный человек, но, к сожалению, он занят Леной и Урянхаем не заинтересован, и не знает близко. Церерин как бывший его чиновник особых поручений сумел познакомить его со своей стороны ... а главное, Церерин - ставленник Петербурга, и Князев боится, пожалуй, его шаркнуть, а на меня, кажется, было несколько жалоб от старообрядцев за притеснения их, и Князев боится меня провести"¹⁹.

С 1912 г. меняются политические ориентиры тувинской элиты, и главы хошунов Салчак и Тоджи принимают монгольское подданство, а чуть позже и глава края, амбын-нойон Комбу-Доржу, стал тяготеть больше к Монголии, нежели к России [Белов 1999, с.171-180].

После подписания русско-китайской декларации о признании автономии Внешней Монголии 1913 г., согласно которой решение «урянхайского вопроса» было принято отложить до 1915 г., российские власти стали проводить более активную политику. В крае начинают проводить агитацию среди местного населения, инициатором которой выступил пограничный комиссар.

В 1913 г. Л. М. Князев совершил поездку в Усинский округ, во время которой он встречался с урянхайскими чиновниками, которым было заявлено, что Монголия на край прав не имеет. В секретной телеграмме в МИД от 4 сентября 1913 г. Л. М. Князев сообщал о полной готовности урянхов принять покровительство России», единственным препятствием к чему является «непрекращающаяся посылка монгольских эмиссаров» [Белов 1999, с. 202].

Наиболее активно проводилась агитация среди хошунов Даа и Бэйсэ. В скором времени Л.М. Князев передал прошение нойонов Даа и Бэйсэ кожуунов о принятии их в подданство «Белого царя» Николаю II через министра иностранных дел. В письме Императору иркутский генерал-губернатор указывал на «желательность дать на названные прошения

19 РГИА, ф. 190, оп. 8, д. 537, л. 93.

урянхов определенный ответ, если не в смысле формального принятия их в подданство России, то, по крайней мере, в виде официального заявления урянхайским правителям о принятии их под покровительство России [Дубровский 1994, с. 9].

С. Д. Сазонов согласился с Л. М. Князевым, и предложил Николаю II не объявлять Урянхайский край русской территорией, а ограничиться принятием урянхов под русское покровительство, на что получил согласие императора. В секретной телеграмме от 18 апреля иркутскому генерал-губернатору С. Д. Сазонов, излагая свою докладную записку и сообщая решение Николая II, добавлял: «Во избежание превратного и преувеличенного толкования этого нашего шага, покорнейше прошу не предавать его гласности». А. Церерин сообщил амбын-нойону о принятии под российское покровительство населения Танну-Урянхая спустя три месяца после подписания резолюции. В ноябре 1915 г. Салчакский и Тоджинский хошуны, одни из последних, перешли под российский протекторат.

Итак, институт власти иркутского генерал-губернатора в решении «урянхайского вопроса» российскими политиками и дипломатами сыграл важную роль. В отдельные исторические периоды генерал-губернаторы выполняли важные функции по разработке стратегии, направленной на включение Танну-Тувы в политико-правовое пространство Российской империи. По инициативе Д. Г. Анучина, с целью оперативного решения вопросов, связанных с организацией жизни русских поселенцев в крае, их взаимодействия с местным населением, в 1881 г. было учреждено Усинское пограничное управление, что стало важным шагом институционального оформления присутствия русской власти в крае, предваряющим учреждение пограничного комиссариата в Туве. Существование последнего стало возможным лишь к 1913 г., и это было, в свою очередь, серьезным событием, обусловившим упрочение в крае позиций России. Несмотря на тот факт, что иркутские генерал-губернаторы должны были полностью дублировать распоряжения центральных властей, зачастую взгляды на решение «урянхайского вопроса» были различными. Разница в резолюциях совещаний при иркутском генерал-губернаторе и Совета Министров 1911 г. ярко это иллюстрирует. Л. М. Князев, следуя распоряжению вышестоящих властей проводить «осторожную» политику в крае, не мог дать конкретных указаний Усинскому пограничному начальнику проводить какие-либо решительные мероприятия по решению «урянхайского вопроса» в пользу России. Лишь после подписания русско-китайской декларации о признании автономии Внешней Монголии 1913 г.

политика в этом направлении иркутского генерал-губернатора и членов кабинета министров стала согласованной. Письма Л. М. Князева на имя С. Д. Сазонова, переписка с другими членами кабинета министров стала важным фактором, повлиявшим на установление российского протектората над Тувой в 1914 г.

Литература:

1. Белов 1999 — Белов, Е. А. Россия и Монголия (1911-1919). М: ИВ РАН, 1999. 235 с.
2. Василенко 2014 — Василенко, В. А. На пути к протекторату: (отношения правительства имперской России с Китаем и Монголией по вопросам установления политического влияния в Туве во второй половине XIX в.-1914 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 223 с.
3. Василенко 2013 — Василенко, В. А. Пограничный комиссар в Туве в 1913 году: назначение, проблемы, противостояние [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2013, № 4. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_20/6719-vasilenko.html (дата обращения: 01.12.2021).
4. Ватин 1915 — Ватин, В. А. Урянхайский вопрос в 80-х годах прошлого века // Сибирский студент, 1915, № 10. С.31-39.
5. Господин главный...2013 — «Господин главный начальник края»: история Вост.-Сиб. и Иркут. генерал-губернаторств / Сост. И. П. Белоус [и др.]; науч. ред. И. Л. Дамешек. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 83 с.
6. Дамешек 2011 — Дамешек, Л. М. Институт генерал-губернаторов Азиатской России и его особенности. Иркутск: Оттиск, 2011. 128 с.
7. Дары-Сурун 2019 — Дары-Сурун, С. А. Обследование Урянхайского края Русским Географическим обществом во второй половине XIX - первой половине XX вв. // Genesis: исторические исследования, 2019. № 3. С. 47-52.
8. Дацышен, Ондар 2003 — Дацышен, В. Г., Ондар Г. А. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911-1921 гг. Кызыл: Республиканская типография, 2003. 284 с.
9. Дубровский 1994 — Дубровский, В. А. Установление покровительства над Тувой в 1914 г. Кызыл: Республиканская типография, 1994. 53 с.
10. Кроль 2008 — Кроль, М. А. Страницы моей жизни / Подгот. к изд., предисл. и примеч. Н. Л. Жуковской. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Gesharim, 2008. 734 с.
11. Кузьмин 2014 — Кузьмин, Ю. В. «Урянхайский вопрос» и русско-монголо-китайские отношения в российской историографии и общественной мысли России на рубеже веков // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Иркутск: Издательство: Байкальский государственный университета экономики и права, 2014. С. 224-247.
12. Моллеров 2014 — Моллеров, Н. М. Протекторат России над Тувой в 1914–1924 гг. (историко-правовой аспект) // Новые исследования Тувы, 2014. № 3. С. 47-57.
13. Порватов 1915 — Порватов, Б. М. Урянхайский край. // Горные и золотопромышленные известия. № 1, 1915. С. 8-12.
14. Самдан 2014 — Самдан, А. А. Российский и тувинский варианты решения «урянхайского вопроса» (1911-1916 гг.). // Ученые записки ТИГПИ. Вып. 25. / Отв. ред. Б. А. Донгак. Кызыл, 2014. С. 34-55.

References:

1. Belov, E. A. (1999), "Rossiya i Mongoliya (1911-1919)" [Russia and Mongolia (1911-1919)], M., IOS RAS, 235 p. (In Russ.).
2. Vasilenko, V. A. (2014), "Na puti k protektoratu: (otnosheniya pravitel'stva imperskoj Rossii s Kitaeim i Mongoliej po voprosam ustanovleniya politicheskogo vliyaniya v Tuve vo vtoroj polovine XIX v.-1914 g.)" [On the way to the protectorate: (relations of the government of Imperial Russia with China and Mongolia on the establishment of political influence in Tuva in the second half of the 19th century – 1914)], Irkutsk, Publishing House of the ISU, 223 p. (In Russ.).

3. Vasilenko, V. A. (2013), "Pogranichnyj komissar v Tuve v 1913 godu: naznachenie, problemy, protivostoyanie" [Border commissioner in Tuva in 1913: appointment, problems, confrontation] [Electronic resource], The New Research of Tuva, no. 4, URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_20/6719-vasilenko.html (accessed: 01.12. 2021). (In Russ.).
4. Vatin, V. A. (1915), "Uryankhayskiy vopros v 80-kh godakh proshlogo veka" [The Uriankhai Question in the 80s of the Last Century], Siberian student, no. p. 10. (In Russ.).
5. "Gospodin glavnyj nachal'nik kraja": istoriya Vost.-Sib. i Irkut. general-gubernatorstv" (2013), ["Mr. Chief of the Region": the History of the Eastern Siberian and Irkutsk General Governorships], comp. by I. P. Belous [etc.], scientific ed. by I. L. Dameshek, Irkutsk, Publishing House of the ISU, p. 83. (In Russ.).
6. Dameshek, L. M. (2011), "Institut general-gubernatorov Aziatskoj Rossii i ego osobennosti" [Institute of Governors-General of Asian Russia and Its Features], Irkutsk, Impression, 128 p. (In Russ.).
7. Dary-Surun, S. A. (2019), "Obsledovanie Uryanhajskogo kraja Russkim Geograficheskim obshchestvom vo vtoroj polovine XIX - pervoj polovine XX vv." [Survey of the Uriankhai Region by the Russian Geographical Society in the Second Half of the 19th - First Half of the 20th Centuries], Genesis: historical research, no. 3, p. 47–52. (In Russ.).
8. Datsyshen, V. G., Ondar, G. A. (2003), "Sayanskiy uzel: Usinsko-Uryanhajskij kraj i rossijsko-tuvinskiye otnosheniya v 1911-1921 gg" [Sayan Knot: Usinsk-Uriankhai Region and Russian-Tuvan Relations in 1911-1921], Kyzyl, Republican Printing House, 284 p. (In Russ.).
9. Dubrovsky, V. A. (1994), "Ustanovlenie pokrovitel'stva nad Tuvoj v 1914 g." [Establishment of Patronage Over Tuva in 1914], Kyzyl, Republican Printing House, p. 53. (In Russ.).
10. Krol, M. A. (2008), "Stranicy moej zhizni" [Pages of My Life], prep., preface and commentary by N. L. Zhukovskaya, M., Bridges of culture, Jerusalem: Gesharim, 734 p. (In Russ.).
11. Kuzmin, Y. V. (2014), "Uryanhajskij vopros" i russko-mongolo-kitajskie otnosheniya v rossijskoj istoriografii i obshchestvennoj mysli Rossii na rubezhe vekov" ["Uriankhai Question" and the Russian-Mongolian-Chinese Relations in the Russian Historiography and Social Thought of Russia at the Turn of the Century], Russia and Mongolia in the early 20th century: diplomacy, Economics, science, Irkutsk, Publishing House: Baikal State University of Economics and Law, p. 224-247. (In Russ.).
12. Mollerov, N. M. (2014), "Protektorat Rossii nad Tuvoj v 1914–1924 gg. (istoriko-pravovoj aspekt)" [The Protectorate of Russia over Tuva in 1914-1924. (Historical and Legal Aspect)], The New Research of Tuva, no. 3, p. 47-57. (In Russ.).
13. Porvatov, B. M. (1915), "Uryanhajskij kraj" [Uriankhai Region], Mining and Gold-Mining Proceedings, no. 1, p. 8-12. (In Russ.).
14. Samdan, A. A. (2014), "Rossijskij i tuvinskij varianty resheniya «uryanhajskogo voprosa» (1911-1916 gg.)" [Russian and Tuvan Variants of the Solution of the "Uriankhai Question" (1911-1916)], Scientific notes of TIGPI, issue 25, ed. by B. A. Dongak, Kyzyl, p. 34-55. (In Russ.).

Информация об авторе:

Виктория А. Василенко, кандидат исторических наук, Центр изучения Монголии, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия; 664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, д. 11, vasil-vic79@yandex.ru.

Information about the author:

Victoria A. Vasilenko, Cand. of Sci. (History), Center of Mongolia Study, Baikal State University, Irkutsk, Russia; 11 Lenin str., Irkutsk, 664003, Russia, vasil-vic79@yandex.ru.